сура

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

2(54)

АПРЕЛЬ - ИЮНЬ

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

...И устарела старина,
и старым бредит новизна.
А. Пушкин.

В НОМЕРЕ:

Колонка главного редактора 3

Проза
Анна и Наталья КУЗНЕЦОВЫ. Попурри на тему одуванчиков, или Письма советской инженерки. 5
Владимир ПЕТРИН. Глобус Марса. Рассказ. 68
Екатерина КИРИКОВА. Клуб любителей пуговиц. Рассказ. 77
Ирина СПИРИДОНОВА. Цепь неприкаянных. Повесть. 106

Поэзия
Юбилей
Олег САВИН. "Выйду в чистое поле...". 163
Михаил КИРИЛЛОВ. О чем шумят деревья. 168

Дебюты
Елена ДОВГАЯ. Последний день. Рассказ. 171
Валерий ВОЛКОВ. Милицейская лирика. 181

Искусство
Виктор СИДОРЕНКО. Мария Королькова: обретение лица. 186

Все о Лермонтове
Елена СОСНИНА. Русские философы о Лермонтове. 196

Мемуары
Алексей РЕМИЗОВ. (Предисловие и публикация О. Савина). 203

Общество
Юрий БЕРНШТЕЙН. Ложность идеологий — пагуба России. 217

Новые книги. Обзоры. Рецензии.
Владимир ПЕТРИН. Опыт философствования Серафима Ремезова. 221
Владимир ПЕТРИН. Записки подводника (о книге Максима Русича "Не унывай!"). 224
Лидия ТЕРЕХИНА. А. Дельвиг в контексте эпохи (о книге Д. Жаткина "А. А. Дельвиг: Мир творчества"). 226
Виктор СИДОРЕНКО. "Енох" (о новой повести Е. Сорокина). 229

Кунсткамера
Василий ВАТОЛИН. Любовь и жизнь. 230

ИнтерНет — интерДа
Новости от Найка. 239

Реклама
Правила. Желания и возможности "Суры". 243

© Редакция журнала "Сура"

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Несколько строк из писем в редакцию:

«Куда исчезают чувства? Куда исчезают красивые сердечные слова?..» — спрашивает нас читательница из Сердобска.

«Уважаемая редакция, не кажется ли вам, что русский литературный язык при всей своей изощренности и относительном разнообразии как бы окостеневает?» — это вопрос вдумчивого читателя-пензяка.

А вот гневный голос библиотекаря: «...Мне отвратительны писатели, гадящие в колодец, из которого все мы пьем...»

Еще:

«В молодежь не верю. Безнравственно воспитанная, она способна лишь множить свою безнравственность. К тому же в голове у нее сплошной мусор».

Что тут можно сказать? Претензии к нашему брату-писателю беспощадно-серьезные. Но именно это, как ни покажется тебе странным, дорогой читатель, меня радует: за литературу больно только тем, кто ее любит, кто относится к ней как к Божьему дару.

Попробуем поразмышлять вместе.

Согласись, за свою продолжительную историю общество не придумало механизма более совершенного, чем чтение, чтобы формировать сознание, духовный мир человека. Справедливо утверждение: если люди перестают читать, они перестают думать.

Старичок-хозяин, о котором пишет Розанов, — одни из владельцев домика — Павел Семенович Георгиевский. По словам философа, он бережно хранил память о поэте и по старинному изданию Лермонтова, вышедшему при его жизни, читал его стихи. Показывая сад при домике, хозяин отметил все деревья, что, по его мнению, росли еще при жизни поэта. «Между ними, — пишет Розанов, — в правом углу сада выдавалось вековое дерево с таким раздвоением ствола у самого основания, которое образовало удобное естественное сиденье, — и где не мог не сиживать Лермонтов, как не может, по крайней мере, не примериться посидеть тут каждый даже случайный посетитель. Дерево, сколько помню, — грецкий орешник...» Это дерево со временем погибло, но из его корня, как продолжение жизни, вырос новый орех, и ныне живущий в Лермонтовском музее-заповеднике.

«Мне кажется, — утверждал когда-то В. Розанов, — что ценность и интерес лермонтовского домика и сада будут все возрастать со временем». Его предсказание сбылось. Домик поэта стал местом паломничества тысяч почитателей лермонтовского гения. И здесь, как, впрочем, и в других местах, связанных с именем Лермонтова, «все кажется прелестным и таинственным».

Об авторе

Соснина Е. Л., сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске, преподаватель Пятигорского государственного технологического университета, кандидат исторических наук.

ТОЛЬКО ССЫЛКА МЕНЯ ОСВОБОДИЛА

Некоторые страницы жизни и творчества русского писателя А. М. Ремизова

В конце 1896 года департамент полиции сообщил губернатору П. Д. Святополк-Мирскому, что ему следует «подчинить гласному надзору полиции в Пензенской губернии на два года» «вольнослушателя Московского университета, личного почетного гражданина Алексея Михайлова Ремизова», «обвиняемого в подстрекательстве студентов к беспорядкам, имевшим место в Москве в ноябре 1896 года». Поднадзорный прибыл в город на Суре 22 декабря, и поселили его в гостинице Першина (дом Медведева), о чем полицмейстер сразу же донес по начальству, сообщив, что надзор по месту жительства произведен. Вместе с ним туда был определен коллежский секретарь Николай Петрович Рассказов.

«Для отбытия срока гласного надзора» А. М. Ремизов прибыл с проходным свидетельством, в котором были даны приметы: «19 лет, роста ниже среднего, волосы на голове, бороде, на усах русые; носит очки, курносый». Ехал он через Рязань, Ряжск и Моршанск, поэтому в бумагах сохранилась собственноручная подпись будущего писателя: «Маршрут мне известен». Алексей Михайлович поставил и такой автограф: «Настоящее проходное свидетельство мне объяснено». В «списке о состоящем под гласным надзором полиции» (он также хранится в областном госархиве) указано, что А. М. Ремизов жил «на Лекарской (ныне Володарского. — **О. С.**) улице в доме Крылова», «в Пензе занятий не имеет, пособия из казны не получает».

Об этом 30 мая 1897 года написал сам А. М. Ремизов, просил П. Д. Святополк-Мирского о выдаче ему «ежемесячного вспомоществования», как не имеющему «никакого заработка». «Так как следуемое мне, как находящемуся под гласным надзором, ежемесячное пособие в шесть (6 рб) рублей, — говорится в его прошении от 9 марта 1898 года, — является крайне недостаточным средством к существованию, покорнейше прошу Ваше сиятельство ходатайствовать перед господином Министром внутренних дел... разрешить мне заниматься уроками у вполне политически-благонадежных лиц». На прошении было поставлено одно слово: «Отказать».

31 августа Алексей Михайлович просил губернатора «о разрешении... выехать в Москву на некоторое время (недели на две) для свидания с матерью, не имеющей возможности по болезни (прогрессивный паралич) приехать в Пензу». 2 октября департамент полиции посчитал, что ходатайство «признано не подлежащим удовлетворению».

Еще один архивный документ, помеченный 10 ноября того же 1898 года. Начальник губернского жандармского управления извещал губернатора: поднадзорный «привлечен к производящемуся при вверенном мне управлении дознанию в качестве обвиняемого в преступлениях, предусмотренных 251 и 318 ст(атьями) Уложения о наказаниях, и против него принята мера пресечения (по освобождении из-под стражи) особый надзор полиции. Так как степень участия в этом деле Алексея Ремизова весьма серьезна, то я полагал бы, что снятие с него гласного надзора полиции должно последовать по окончании дознания, по которому он привлечен».

А все началось раньше. 16 января 1898 года у воспитанника Пензенского землемерного училища Ивана Карпова были найдены 9 экземпляров революционной газеты «Русский рабочий». Оказалось, что в мастерских Сызрано-Вяземской железной дороги, на писчебумажной фабрике П. В. Сергеева и машиностроительном заводе В. И. Крюгера велась активная пропаганда. Среди руководителей агитации полиция называла и сына купца Алексея Ремизова. Отмечалось, что он осенью 1897 года «воспроизвел на гектографе 150 экземпляров прокламаций, приглашавших рабочих требовать сокращения рабочего дня», и при содействии мещанина И. И. Тепловского «разбросал таковые в механических мастерских...»

По этому делу к дознанию привлекалось 56 человек. В списках, составленных жандармским управлением, А. М. Ремизов шел шестым: «...православный, сын купца, окончил курс Московского коммерческого училища, был в Московском Университете, курса не окончил». Список этот в 1902 году вошел в секретные «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи за 1898 и 1899 годы», изданный в Петербурге в типографии Министерства внутренних дел. В октябре 1965 года фотопленку с текстом (сейчас она находится в архиве) мне прислал московский литературовед А. В. Храбровицкий, долгое время живший в Пензе.

Еще один интересный документ опубликовал пензенский краевед, заслуженный работник культуры России П. Ф. Максяшев, ныне тоже покойный. Выяснилось, что, когда 26 и 27 мая 1898 года в Пензе происходило «торжество чествования памяти Белинского», во главе комиссии по его проведению стояли врач-психиатр К. Р. Евграфов и брат Константина Романовича — Николай, заведующий народной библиотекой-читальней имени великого критика. «Оба эти Евграфова, — доносил в столицу начальник губернского жандармского управления, — лица безусловно неблагонадежные в политическом отношении. До принятия мной репрессивных мер во время производства дознаний по государственным преступлениям у этих господ были широкие планы, и, между прочим, в проект входил праздник железнодорожных рабочих с присоединением Сергеевской фабрики; на этом празднике должен был сказать речь студент Ремизов, привлеченный мной к дознанию, о значении Белинского для рабочих...»

18 июня 1900 года из Москвы известили, что срок пребывания А. М. Ремизова в Пензе заканчивается, и он вместе с товарищами по делу Иосифом Ивановичем Тепловским и Н. П. Рассказовым «подлежали взысканию»: «по вменению им в

наказание предварительного заключения — высылка в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции сроком на три года каждый». Там его «добродушно и приветливо» приняли уже отбывавшие ссылку Н. А. Бердяев, А. В. Луначарский, литературовед, историк революционного движения П. Е. Щеголев, эсер Б. В. Савинков, позже организатор многих террористических актов. Здесь Алексей Михайлович познакомился со своей будущей женой — палеографом Серафимой Павловной Довгелло, которая стала первым помощником и другом писателя. В Усть-Сысольске А. М. Ремизов, по его словам, «уничтожил весь свой архив».

Сосланный в Пензу студент в 1897 году встречался с местным уроженцем В. А. Карпинским (1880 — 1965), который позднее стал известным деятелем российского революционного движения, публицистом, доктором экономических наук. А в конце столетия Вячеслав Алексеевич учился во 2-й мужской гимназии, создавал марксистский кружок. Об этом в 1981 году рассказал в биографическом очерке «В. А. Карпинский» пензенский историк и краевед В. И. Лебедев. Виталий Иванович на основании документов установил, что В. А. Карпинский, высланный из Пензы в Харьков, был в конце 1902 года отправлен на жительство «под гласный надзор полиции» в Вологду, где уже находился А. М. Ремизов.

Об их знакомстве напомнил автограф на книге Алексея Ремизова «Крестовые сестры», вышедшей в 1923 году в издательстве З. И. Гржебина (Москва. Петербург. Берлин). Она находится в экспозиции Литературного музея, о чем и сообщила автору заведующая экспозиционным отделом Н. И. Никулаенкова. Надежда Ивановна любезно предоставила для публикации в «Суре» ксерокопии обложки и титульного листа, на котором писатель 23 февраля 1923 года оставил дарственную надпись, сделанную древнеславянской письменной вязью. «Вячеславу Алексеевичу Карпинскому, — гласит ее текст, — в память горячей юности, о которой только в снах снится — первых встреч наших пензенских». В. А. Карпинский в это время был редактором ежедневной газеты ЦК ВКП(б) «Беднота», предназначенной для крестьян, а в гражданскую войну — и красноармейцев.

«Принужденный жить долгое время вне столицы», А. М. Ремизов переписывался с поэтом В. Я. Брюсовым, сообщал ему об условиях провинциальной жизни и своих занятиях. Его письма, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, интересны и сведениями о театральной деятельности В. Э. Мейерхольда. Об этом писал К. Л. Рудницкий, автор книги «Режиссер Мейерхольд». «В Херсоне, — говорил Константин Лазаревич, — он осуществил только первые пробы... Его союзником, сподвижником, а отчасти и его теоретиком стал А. М. Ремизов, друг Мейерхольда с юношеских пензенских лет».

Да, они были знакомы еще в Пензе, и Всеволод Эмильевич так писал в «Биографических данных»: «Сосланный в Пензу по политическому делу А. Ремизов отнесся ко мне с особенным вниманием. Он вовлекает меня в работу по изучению Маркса. И через него одним краешком я соприкасаюсь с работой подпольных рабочих организаций. Принимаю участие в составлении устава рабочей кассы. Принимаю участие в закрытой вечеринке на окраине города для этой кассы». Далее В. Э. Мейерхольд отмечал, что его не обыскивали лишь «благодаря каким-

то исключительным хитростям вновь посаженного в тюрьму (пензенскую) А. Ремизова...» Уже находясь в Москве, он ждал полиции: «Будь у меня обыск в связи с делом А. Ремизова, я был бы, конечно, арестован и «поплатился» бы».

«Его энергия, его идеи одухотворяют меня, — говорил о молодом А. М. Ремизове Всеволод Эмильевич. — Какой запас знаний дал он нам. Целую зиму мы провели в интересных чтениях, давших нам столько хороших минут. А взгляды на общество, а смысл жизни, существования, а любовь к тем, которые так искусно выведены дорогим моему сердцу Гауптманом в его гениальном произведении «Ткачи». Да, он переродил меня».

«Своим учителем при всем... несозвучии с его искусственным «русским стилем»...» А. М. Ремизов считал П. И. Мельникова (псевдоним — Андрей Печерский), от него вел «литературное родословие». Среди главных пособий по обучению русской грамоте он называл работы уроженца Керенска (ныне Вадинск) академика Ф. И. Буслаева, поминая его имя среди историков, исследователей и собирателей, «трудившихся над русскими древними письменами и научивших нас искусству чтения». Ему нравилась проза В. А. Слепцова, писателя, связанного с Пензой, Бековом и Сердобском, который, по его мнению, писал «кратко, точно, отчетливо». Читал он и «сатиру» от Д. К. Кантемира до А. Н. Радищева.

Алексей Михайлович высоко чтил поэзию М. Ю. Лермонтова. «Пушкина пристрелил друг-приятель в Санкт-Петербурге, — писал он в «наблюдениях». — Но Пушкин не один, с ним Тютчев, Боратынский, растет Лермонтов». Говоря об А. А. Блоке, считая, что «...нет ни одного из новых поэтов, на кого б не упал луч его звезды», он добавлял: «А звезда его — трепет сердца слова его, как оно билось, трепет сердца Лермонтова и Некрасова — звезда его незакатна». Об этих же поэтах А. М. Ремизов писал в воспоминаниях о Ф. И. Шаляпине: «Голос Шаляпина жив, живет и живет... И Блок унес этот голос к звездам на океан — на воздушный — со всей болью своих братьев — Некрасова и Лермонтова».

Строки о смерти, «тихой кончине» жены Серафимы Павловны: «...в черные дни и беспросветные бессонные ночи и в самую ледяную, не парижскую, зиму оберегали ее от отчаяния ее любимые книги: Пушкин, Толстой, Достоевский, Тютчев, Лермонтов, Некрасов, Блок».

В 1989 году журнал «Волга» опубликовал материал, посвященный 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина: как он отмечался в русской эмиграции. 10 февраля 1937 года А. М. Ремизов участвовал в концерте в парижском зале Плейель, и первое отделение заканчивалось «его мастерским чтением» «Сказки о рыбаке и рыбке». В этот день газета «Последние новости» напечатала эссе писателя «Дар Пушкина». «...Пушкин ни подо что не мастерил, — говорилось в тексте, — значит, таков стиль современности Пушкина. Этот стиль через Пушкина обнаружится в «*Герое нашего времени*» у Лермонтова, но в более близкой нам форме, а от Лермонтова перейдет к «*Казакам*» Льва Толстого». «Сон, как литературный прием, — считал А. М. Ремизов, — без него по-русски не пишется: Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Мельников-Печерский, Лесков».

И в России, и за рубежом Алексей Михайлович встречался с уроженцем На-

ровчата А. И. Куприным, который в 1908 году писал о нем в рецензии на рассказ «Часы», опубликованный в журнале «Современный мир»: «Ремизову широко знаком и настоящий северный крепкий русский язык, и распоряжается им Ремизов, когда захочет, положительно блестяще, с большой оригинальностью, находчивостью и гибкостью». Литератор откликнулся на отъезд А. И. Куприна в Россию. «Я его ничуть не осуждаю, — говорил он в одной из газет. — А голодал он и нуждался очень. Но разве не испытывают и другие писатели эмиграции постоянную и острую нужду?»

В 1920 году А. М. Ремизов передал в публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Петрограде 1119 писем, полученных в разное время, а в августе следующего года покинул Родину через Эстонию и Берлин, хотел, по его словам, «прикоснувшись к старым камням Европы, набраться силы и вернуться в Россию, — русскому писателю без русской стихии жить невозможно». Там, в Париже, издав 45 книг, он и умер 26 ноября 1957 года в своей квартире на улице Буало, «тяжело больной, слепой, зачарованный словом». По завещанию его похоронили рядом с женой, скончавшейся в мае 1942 года, на русском кладбище Банье (родился Алексей Михайлович 24 июня 1877 года в Москве). По сведениям биографического словаря «Художники русского зарубежья 1917 — 1939», изданного в Санкт-Петербурге в 2000 году, писатель погребен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

35 лет провел писатель на чужбине, оторванный от родной почвы. В 1948 году он принял советское подданство, завещал государству основную часть своего архива. Его дневники и мемуары пронизаны тоской по оставленной Отчизне. «Ремизов, — писал о товарище по эмиграции Е. И. Замятин, — все еще тянет соки из той коробочки с русской землей, какую привез с собой в Берлин...» Сам же Алексей Михайлович сказал емко и коротко: «Вся моя жизнь прошла с глазами на Россию...»

Но творчество самобытнейшего, в чем-то «загадочного» русского литератора, пробыв несколько десятилетий в забвении и умолчании, стало возвращаться к российскому читателю лишь во времена гласности. Отдельными книгами вышли «Неуемный бубен», «Крестовые сестры», «Огонь вещей», «Узлы и закруты», «Взвихренная Русь». «Историю рассказывать долго, — заговорил арестант. — Служил конторщиком в Пензе и уволился», — строки из повести «В плену». «Единственный раз, — говорится в автобиографической повести «Подстриженными глазами», — я выступал с настоящими актерами, и случилась эта история в пензенском Народном театре».

В Париже с А. М. Ремизовым встречалась русская писательница Н. В. Кодрянская, которая в 1919 году (было ей 13 лет) вместе с родителями эмигрировала из Советской России. Наталья Владимировна писала на русском языке, с 1940 года публиковала сказки, рассказы, критические статьи, выпустила книги «Сказки» (1950), «Глобусный человечек» (1954). В течение нескольких лет она работала над монографией, посвященной А. М. Ремизову, куда, кроме воспоминаний, включила его письма, дневники, рисунки и фотографии из семейного архива. Свой труд

Н. В. Кодрянская издала в Париже в 1959 году, когда Алексея Михайловича уже не было в живых. Один из экземпляров, привезенных в Москву, она, видимо, во время встречи и подарила А. В. Храбровицкому. Скорее всего, Александр Вениаминович попросил отослать книгу в Пензу. Так на титуле издания появился автограф: «Пензенскому краеведческому музею. С дружеским приветом Наталья Кодрянская. 6 апреля 1966 г.» Из столицы А. В. Храбровицкий переслал книгу мне, а я передал подарок из Франции в музей.

В 1957 году А. М. Ремизов получил письмо из Пушкинского дома в Ленинграде, где было приглашение на празднование 275-летия со дня смерти одного из первых писателей Руси — «огненного» протопопа Аввакума. Прислал его, а также свою книгу «Повесть о Сухане» основатель древлехранилища, литературовед и археограф В. И. Малышев, как и А. И. Куприн родившийся в Наровчате. Приехать в город на Неве Алексей Михайлович не смог, но в ответе предложил: «Понемногу буду посылать Вам мои книги...», позже благодарил «за приют» для них. Когда А. М. Ремизов скончался, переписку с Владимиром Ивановичем вела Н. В. Кодрянская. «Он много поминал писателей своей Родины, — сообщала она 27 ноября 1957 года, на другой день после его кончины, — и поручил мне передать им свой прощальный привет». «...О России он не забывал никогда и свою оторванность от нее переживал остро и горестно», — говорится в ее письме от 15 октября 1962 года.

К этому времени Н. В. Кодрянская передала в отдел рукописей Ленинской библиотеки (сейчас Российская государственная библиотека) часть своего архива, в том числе подаренные рукописи А. М. Ремизова с собственноручными рисунками, его книги с автографами.

Многие страницы книги Н. В. Кодрянской, пока не переизданной в России, посвящены Пензе. Сегодня мы, добавив необходимый комментарий, перепечатываем их. По публикации можно судить, что А. М. Ремизов, находясь в вынужденной эмиграции, не раз вспоминал город, в котором довелось отбывать ссылку. Есть и дневниковая запись, сделанная за несколько месяцев до смерти. «Я глубоко всколыхнул свою память, — делился Алексей Михайлович. — Только ссылка, Пенза меня освободила. На пензенской земле я почувствовал себя свободным от московской измученности и загнанности». Трогают и такие строки писателя: «В редкие в Париже снежные дни снег на крыше, как в России».

В заключение хочется привести сказанное А. М. Ремизовым в автобиографическом повествовании «В розовом блеске»: «...Порой мне снится, что Россия — это только мой волшебный сон»; «...с болью когда-то думалось, что вот проснусь и окажется: Россия — я в России, а все эти годы здесь лишь сон был». Верой в грядущее своей страны наполнены и такие слова писателя: «Неугасимые огни горят над Россией!»

Олег Савин,
кандидат филологических наук.

Пенза.

Наталья КОДРЯНСКАЯ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

(Отрывки)

По окончании училища Ремизов поступил на физико-математический факультет. Целыми днями он в университете, а ночи часто напролет проводит над книгами. Все его увлекает.

«Я не мог сказать себе, на чем остановлюсь: на птицах ли по Мензбиру или на физиологии растений по Тимирязеву... или мне по Столетову заняться физикой, и физиологией по Сеченову?»[1]

Когда Ремизов был на втором курсе, его «коренная трезвость» толкнула на мысль о поступлении в Сельскохозяйственный институт. В это время старший брат Алексея Михайловича Николай Михайлович окончил филологический факультет и поступил на юридический. И Ремизова повлекло на юридический за братом. Не оставляя физико-математический, он слушает лекции: политическая экономия у профессора Чупрова[2] и финансовое право у Ивана Ивановича Янжула.

Весь отдавшись наукам, Ремизов оставался, как всегда, «одиночкой». И хотя в студенческой жизни он не принимал деятельного участия и ни в каких студенческих кружках и землячествах не состоял, все же 18 ноября 1897 года он был арестован на студенческой демонстрации как агитатор и выгнан из университета без права возвращения.

«Со мной всегда путаница и недоразумения. Идти на демонстрацию я подлинно не гадал и не думал, а собирался вечер провести за работой, и, кроме того, я был против студенческих демонстраций, считая их «буржуазным явлением». А уговорил приятель. Только взглянуть. На демонстрацию я попал в разгон и перед стеной конных жандармов и казаков погорячился, первым был арестован и отправлен с городовым в Тверскую часть, как «агитатор». В части вечером, когда пригнали других арестованных на демонстрации и я вышел к ним к столу пить чай, меня приняли за провокатора.

А в пензенской тюрьме, отправляя меня этапом в Усть-Сысольск[3], забыли отметить «политический»; шел я пешком, «черной кареты» мне не полагалось. Меня от моих товарищей не отличали, и только на перегонах было обузно: на меня надевали «баранки» (наручни), соединяя мою правую с левой моего невольного соседа. Хорошо, коли под рост, а выдастся верзила — напрыгаешься».

Полтора месяца Ремизов отсидел в одиночке на Таганке (в тюрьме он начнет писать, когда «заклещило душу» и «вздыбились слова» — ноябрь, декабрь 1897 г.). Потом был сослан в Пензенскую губернию под гласный надзор полиции.

В Пензе в марте 1899 года он был снова арестован. По тюрьмам и ссылкам — Пенза, Вологда, Усть-Сысольск — Ремизов провел шесть лет. В ссылке он и же-